

RU

«Гибель мира всегда локальна»: пространственные мотивы концепта FREEDOM / СВОБОДА в романе Пола Линча “Prophet Song”

Яркова А. К.

Аннотация. Цель исследования – выявить, как система пространственных мотивов в романе Пола Линча “Prophet Song” трансформирует представление о свободе в дистопическом мире произведения. В основу исследования положены антропологическая типология О. Паттерсона, представляющая свободу через триединство личной, суверенной и гражданской свобод, и неоримская теория К. Скиннера, трактующая свободу как независимость от чужой воли. Научная новизна заключается в том, что впервые на материале современного романа-антиутопии описана система пространственных мотивов, объективирующих художественный концепт FREEDOM / СВОБОДА, и предложена его интерпретация в рамках неоримской теории. Результаты показывают, что система мотивов организована вокруг трёх локусов – дома (мотивы проникновения и десакрализации), города (мотивы отчуждения, двойной экспозиции, лабиринта) и границы (мотивы произвольной власти и десубъективации). Установлено, что в каждом локусе осуществляется последовательная деформация художественного концепта FREEDOM / СВОБОДА, а динамика мотивного поля подчинена логике расширения пространства несвободы. «Остаточный смысл» свободы в финале романа заключается не в возвращении свободы как статуса, а в предельно редуцированной форме – выборе жизни любой ценой.

EN

“The end of the world is always local”: spatial motifs of the concept of FREEDOM in Paul Lynch’s novel “Prophet Song”

A. K. Yarkova

Abstract. The study aims to identify how the system of spatial motifs in Paul Lynch’s novel “Prophet Song” transforms the perception of freedom within the work’s dystopian world. The study is grounded in Orlando Patterson’s anthropological typology (personal, sovereign, civic liberties) and Quentin Skinner’s neo-Roman theory (freedom as independence from the will of another). The scientific originality of the study lies in the fact that, for the first time, using a contemporary dystopian novel as its material, it describes the system of spatial motifs that objectify the artistic concept of FREEDOM and offers its interpretation within the neo-Roman framework. The results indicate that the system of motifs is organized around three loci: the house (motifs of intrusion and desacralization), the city (motifs of alienation, double exposure, and the labyrinth), and the border (motifs of arbitrary power and desubjectification). Each locus exhibits a consistent deformation of the artistic concept of freedom, and the dynamics of the motif system follow the logic of the expansion of the space of unfreedom. The “residual meaning” of freedom in the novel’s finale consists not in the restoration of freedom as a status, but in its drastically reduced form – the choice of life at any cost.

Введение

Актуальность обращения к роману Пола Линча (Paul Lynch) “Prophet Song” (в переводе М. Клеветенко «Песнь пророка», 2023) обусловлена его прямой референцией к современным социально-политическим процессам. В интервью, данном после присуждения Букеровской премии, Линч связывает сюжет романа с «беспорядками в западных демократиях» / “unrest in Western democracies”, «крушением целых наций» (на примере Сирии) / “the implosion of an entire nation”, «равнодушием Запада к кризису беженцев» / “the scale of its refugee crisis and the West’s indifference” (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – А. Я.) (Paul Lynch interview, 2023). Таким образом, продолжая традицию политической антиутопии, роман предлагает художественную рефлексию основных болевых точек XXI века, к числу которых относятся эрозия демократических институтов и этические проблемы эмпатии в условиях глобальной катастрофы, что делает роман плодотворным материалом для анализа того, как в литературе XXI века переосмысляются фундаментальные концепты западной культуры, в первую очередь – концепт FREEDOM / СВОБОДА.

Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- охарактеризовать ключевые подходы к пониманию концепта FREEDOM / СВОБОДА в западноевропейском интеллектуальном дискурсе (К. Скиннер, О. Паттерсон) и определить их значимость для интерпретации романа;
- систематизировать пространственные мотивы по трём ключевым локусам (дом, город, граница) и показать деформацию художественного концепта FREEDOM / СВОБОДА в каждом из них;
- описать трансформацию классического понятия свободы в дистопическом мире романа и установить, какой «остаточный смысл» свободы предлагает Линч в финале произведения.

Проводимый анализ концепта основан на комплексной методологии, включающей в себя: герменевтико-интерпретационный, направленный на определение теоретической интерпретационной рамки для анализа эволюции концепта FREEDOM / СВОБОДА в романе; мотивный и пространственный анализ, цель которых заключается в выявлении системы повторяющихся элементов и определении ключевых локусов романа; а также метод пристального чтения, благодаря которому каждый выделенный мотив подтверждается анализом конкретного фрагмента текста с цитированием на языке оригинала. Таким образом, если герменевтико-интерпретационный анализ позволяет зафиксировать теоретическую рамку, то мотивный и пространственный анализ показывают, как концепт последовательно деформируется в дистопическом мире романа.

Теоретическую основу данной работы формируют труды отечественных учёных в области мотивного анализа (Веселовский, 1940; Гаспаров, 1988; 1994), а также современные исследования, посвящённые моделям художественного концепта в рамках литературоведческого подхода (Беспалова, 2002; Васильева, 2012; Волкова, 2014; Зусман, 2001; 2003; Костина-Кассанелли, 2013; Миллер, 2000; Тарасова, 2012). Кроме того, в работе проанализированы современные подходы к пониманию концепта FREEDOM / СВОБОДА в западноевропейском интеллектуальном дискурсе (Скиннер, 2006; Patterson, 1991).

Материалом для исследования послужил роман Пола Линча "Prophet Song" в оригинале на английском языке.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть рассмотрены в рамках вузовских дисциплин по современной зарубежной литературе, вынесены для обсуждения на спецсеминарах по антиутопии XXI века, а также использованы в лексикографической практике для составления словарей художественных концептов.

Обсуждение и результаты

Теоретико-методологические основания анализа

Несмотря на многообразие работ, посвященных исследованию художественного концепта, единого аналитического инструментария для изучения концепта в литературоведении пока не выработано. В данной работе в качестве перспективного инструмента анализа художественного концепта выступает мотивный анализ, создающий возможности для выявления даже тех концептуальных смыслов, которые не имеют своей прямой вербализации, разворачиваясь в сюжете через систему образов и пространственную организацию текста.

Следуя традиции изучения художественного концепта в отечественном литературоведении и разделяя позицию исследователей, трактующих его как «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти» (Миллер, 2000, с. 42), мы считаем необходимым сделать акцент на индивидуально-авторском характере художественного концепта, в частности на том, что концепт – это «единица сознания поэта или писателя, которая получает свою репрезентацию в художественном произведении <...> и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений» (Беспалова, 2002, с. 6).

Опираясь на определение Б. М. Гаспарова (1994, с. 30), трактующего мотив как «любое смысловое пятно», под мотивом художественного произведения в данной работе понимается устойчивый, повторяющийся элемент текста (образ, ситуация, лексема), который несёт смысловую и эмоциональную нагрузку и служит средством репрезентации концепта.

Продуктивность анализа концепта через мотивную структуру текста обоснована в работе О. С. Костиной-Кассанелли, которая утверждает, что «мотивная структура конкретного текста отражает его концептуально значимые планы», а мотив выступает «средством воплощения и трансляции концептуальных смыслов» (2013, с. 62).

Таким образом, обобщая вышеизложенное, художественный концепт представляет собой сложное ментальное образование, которое формируется в сознании писателя и отражает его индивидуальное восприятие мира, аккумулируя как уникальные авторские смыслы, так и элементы коллективного культурного опыта. При этом, являясь ментальным конструктом, концепт находит свою объективацию в тексте через систему эстетически организованных художественных средств, в первую очередь – через художественные мотивы.

Ключевые подходы к пониманию концепта FREEDOM / СВОБОДА в западноевропейском интеллектуальном дискурсе

Анализ концепта FREEDOM / СВОБОДА целесообразно начать с определения статуса и природы этого понятия в западноевропейском дискурсе. Для решения этой задачи в качестве отправной точки были выбраны два направления в западной интеллектуальной традиции, а именно, исследования Орландо Паттерсона

и Квентина Скиннера. Выбор этих исследователей обусловлен тем, что, предлагая различные измерения концепта, их теории высвечивают разные аспекты свободы (от личной автономии до статусной независимости), которые последовательно деформируются в дистопическом мире Линча.

В своем фундаментальном труде "Freedom: Freedom in the Making of Western Culture", опубликованном в 1991 году, Паттерсон трактует свободу как многогранное понятие, состоящее из трех взаимосвязанных элементов: личной, суверенной и гражданской свобод. Личная свобода (*personal freedom*) определяется им как «ощущение того, что кто-то <...> не подвергается принуждению и ограничению в совершении желаемого, и убежденность в том, что можно делать что угодно в пределах желания других делать то же самое». / "...the sense that one <...> is not being coerced or restrained by another person in doing something desired and, on the other hand, the conviction that one can do as one pleases within the limits of other person's desire to do the same" (Patterson, 1991, p. 3). Суверенная свобода (*sovereignal freedom*) – это свобода, которой пользуются общественные элиты; она допускает полный контроль над другими: "This is simply the power to act as one pleases, regardless of the wishes of others" (Patterson, 1991, p. 4). / «Власть действовать по своему усмотрению, независимо от желания других». Гражданская свобода (*civic freedom*) – третий элемент, который представляет собой «способность взрослых членов сообщества участвовать в его жизни и управлении». / "...the capacity of adult members of a community to participate in its life and governance" (Patterson, 1991, p. 4).

Предложенная Паттерсоном трёхчастная модель позволяет анализировать свободу через конкретные типы отношений – с самим собой, с другими и с обществом. Для анализа художественного концепта FREEDOM / СВОБОДА в контексте дистопического мира романа, где осуществляется последовательное уничтожение всех трех типов свобод (личная свобода аннулируется тотальным контролем, суверенная переходит к репрессивному государству, а гражданская исчезает вовсе), эта модель кажется особенно релевантной.

В отличие от Паттерсона, выделяющего три измерения свободы, Скиннер, один из ведущих представителей Кембриджской школы истории понятий, противопоставляет два способа ее понимания: гоббсовскую традицию, определяющую свободу как отсутствие внешних препятствий для движения, и неоримскую традицию, где свобода понимается как статус, не зависящий от чужой воли.

С точки зрения неоримской традиции, которую Скиннер реконструирует, утрата свободы наступает не только при физическом принуждении, но и при попадании в состояние зависимости от чужих решений. Иными словами, само состояние подвластности, сама возможность произвольного вмешательства лишает человека статуса свободного. Для неоримской теории, как подчёркивает Скиннер, раб – это не тот, кого бьют, а тот, кто живёт в ситуации зависимости от «доброй воли правителя, правящей группы людей или иного агента государства» (Скиннер, 2006, с. 67). Как отмечает Скиннер, в латинской политической лексике для этого состояния использовалось слово "*obnoxius*" «для обозначения зависимости, в которую попадают те, кто лишается свободы» (2006, с. 47).

Теоретическая модель, предложенная Скиннером, имеет для данного исследования особое значение, так как именно идея подверженности чужой власти становится ключом к пониманию того, как Линч изображает превращение граждан в подданных: человека не обязательно лишать жизни, достаточно заставлять ждать, просить и унижаться, чтобы вернуть его в состояние раба.

Таким образом, рассмотренные подходы выделяют несколько ключевых аспектов концепта FREEDOM / СВОБОДА, значимых для последующего литературоведческого анализа. Во-первых, свобода может быть понята как многомерное явление, включающее личное, гражданское и суверенное измерения. Во-вторых, неоримская традиция акцентирует не столько отсутствие внешних препятствий, сколько статус свободного человека, не зависящего от произвольной воли другого.

Пространственные мотивы художественного концепта FREEDOM / СВОБОДА в романе Пола Линча "Prophet Song"

Анализ художественного концепта FREEDOM / СВОБОДА в романе Пола Линча "Prophet Song" требует первоочередного обращения к системе мотивов, его объективирующих, поскольку «мотивная структура конкретного текста в большинстве случаев отражает его концептуально значимые планы, способствуя проявлению универсальных инвариантных смыслов через индивидуально-авторские константы творчества. Концепты задают параметры символического и аксиологического пространства текста, мотивы же его конструируют. Не достигая свойственной концепту идейной глубины, мотив становится, тем не менее, средством воплощения и трансляции концептуальных смыслов» (Костина-Кассанелли, 2013, с. 62).

В своем диссертационном исследовании В. Б. Волкова (2014, с. 61-62) убедительно доказывает, что пространственные мотивы являются ключевыми репрезентантами художественных концептов в современной военной прозе, наиболее ярко проявляясь в мотивах отчуждения от пространства, потерянности в пространстве, пограничности двух пространств, агрессии чужого пространства, а также в мотиве возвращения.

Как следует из рассмотренных выше теоретических подходов, свобода понимается, во-первых, как право и способность к автономному действию, независимость от чужой воли, а во-вторых, как отсутствие физического заточения. Эти признаки обладают отчётливой пространственной природой, что позволяет осуществить отбор мотивов по критерию их соотнесённости с ними.

В ходе работы была выявлена система из трех ключевых локусов – ДОМА, ГОРОДА, ГРАНИЦЫ – каждый из которых аккумулирует определённый комплекс мотивов, последовательно объективирующих динамику концепта FREEDOM / СВОБОДА в романе.

Первой пространственной сферой, в которой разворачивается драма несвободы, становится **дом** – традиционное место силы и защищённости; пространство, где человек должен чувствовать себя спокойно и безопасно. Пол Линч последовательно деконструирует идею дома как убежища, превращая его в место страха, заточения и ловушки.

Одним из сквозных мотивов, связанных с пространством дома, является мотив проникновения. В романе Линча Ирландия постепенно превращается в дистопическое государство, где правительство Национального альянса вводит чрезвычайное положение и начинает преследовать профсоюзных активистов, включая мужа главной героини Айлиш Стэк – Ларри. Мотив проникновения проявляется в самом начале романа, когда в дом Стэков приходят детективы и просят Ларри прийти в участок, чтобы ответить на несколько вопросов. Это неопределённое, неоформленное вмешательство государства в приватное пространство становится первым симптомом надвигающейся катастрофы. Сам факт визита полицейских в дом приносит с собой ощущение тревоги и темноты: “...how the men seem to carry the feeling of the night” (Lynch, 2023, p. 11). / «...как эти мужчины, кажется, несут в себе само ощущение ночи»; “...this feeling now that something has come into the house <...> something formless yet felt” (Lynch, 2023, p. 13). / «...это чувство, будто в дом вошло нечто <...> нечто бесформенное, но осязаемое». Гражданская война ещё не началась, город живёт привычной жизнью, дети ходят в школу, мужья возвращаются с работы, но ощущение угрозы уже пришло в дом, хотя и не осознаётся его обитателями: “A strange, unsettled air has filled the house <...> this feeling now as though some unity within the family has begun to unravel” (Lynch, 2023, p. 28). / «Странный, тревожный воздух наполнил дом <...> это чувство, будто какое-то единство внутри семьи начало распадаться».

Вскоре после ареста Ларри дом окончательно перестаёт быть убежищем, утрачивая свою неподвижность, а значит, и защитную функцию, становясь частью надвигающегося хаоса: “She is unsettled about the house and ill at ease in her body” (Lynch, 2023, p. 145). / «Ей беспокойно в доме, она чувствует себя неудобно в собственном теле»; “...she steps drowsy to the window feeling as though the house were in flight, the house turning in the wind” (Lynch, 2023, p. 42). / «...она сонно подходит к окну с ощущением, будто дом улетает, дом кружится на ветру».

Мотив десакрализации домашнего пространства находит последовательное воплощение в вынужденном уходе из дома Марка, семнадцатилетнего сына героини; в ночном акте вандализма, когда агрессивные сторонники режима нападают на дом, разбивая стёкла и уродуя фасад; и достигает кульминации в период боевых действий, когда Айлиш с детьми оказывается запертой в доме без света, воды и еды: “...this house no place of shelter” (Lynch, 2023, p. 139). / «...этот дом больше не убежище»; “...citizens have been ordered to stay at home” (Lynch, 2023, p. 183). / «...гражданам приказано оставаться по домам»; “...trapped in the house” (Lynch, 2023, p. 188). / «...запертые внутри дома». Мотив замкнутого пространства как невозможности вернуться назад находит метафорическое выражение в образе туннеля, выход из которого возможен только через оставление прошлого: “We have entered into a tunnel and there is no going back, she says, we just need to keep going and going until we reach the light on the other side” (Lynch, 2023, p. 197). / «Мы вошли в туннель, и возврата нет, – говорит она, – мы просто должны продолжать идти и идти, пока не доберёмся до света на той стороне».

Однако, даже когда дом перестаёт быть безопасным пространством, он сохраняет свою символическую функцию как локус ожидания возвращения. Айлиш отказывается покинуть дом именно потому, что вера в возвращение мужа и сына возможна только пока семья остаётся на месте: “...do you know what happens to a house like this when it’s abandoned, my eldest son could return any moment, he’ll slide open the patio door and slouch into the kitchen as though he had never gone” (Lynch, 2023, p. 211). / «...знаешь, что бывает с таким домом, когда его бросают? Мой старший сын может вернуться в любую минуту, он отодвинет раздвижную дверь и войдет на кухню, как будто никогда и не уходил». Мотив возвращения оказывается парадоксальным образом связан с несвободой. Уехать из дома – значит перестать верить, примириться с мыслью, что муж и сын не вернутся. Оставаться в разрушающемся доме – сохранять надежду, пусть даже под угрозой смерти. Надежда как форма несвободы становится одним из элементов того, как Линч переосмысливает классические концепции свободы.

Таким образом, локус дома в романе Линча становится пространством, где паттерсоновская личная свобода аннулируется ещё до начала физического насилия: государство вторгается в приватное пространство, и само это вторжение – неопределённое, «бесформенное» – лишает семью ощущения защищённости. Ещё более значимой здесь оказывается неоримская теория Скиннера: Айлиш и её дети становятся рабами не тогда, когда их запирают в доме, а уже в тот момент, когда их жизнь и надежда на возвращение мужа и сына начинают зависеть от произвольной воли государства. Оставаться в доме – значит сохранять иллюзию контроля, уехать – признать своё бессилие. В обоих случаях, по Скиннеру (2006, с. 67), они уже утратили свободу как статус, поскольку оказались в состоянии зависимости от чужой и ничем не сдерживаемой воли.

По мере разворачивания сюжета пространство несвободы расширяется: вслед за деконструкцией дома как убежища Линч переходит к трансформации города, который приобретает черты тотальной дезориентации, превращаясь в агрессивный лабиринт.

В пространстве города ключевыми оказываются мотивы потерянности и отчуждения, которые начинают звучать сильнее по мере утраты веры в справедливость закона и неизбежность гражданских прав и свобод. Неправоммерный арест Ларри, отказ в получении визы на выезд из страны, жестокое подавление гражданских протестов и усиление милитаристской риторики заставляют Айлиш чувствовать себя чужой в своем городе. Потребность в близости и единении с согражданами, готовность к борьбе и отстаиванию своих убеждений уступают место ощущению отстраненности и нереальности происходящего: “Watching the street as though

it belongs to some other city <...> this wish now she has to escape” (Lynch, 2023, p. 72). / «Она смотрит на улицу так, будто она принадлежит какому-то другому городу <...> это желание, которое теперь появилось у неё, – бежать»; “She turns to face the street, watching the world pass by in strange pretence, the pale and stolid faces hurrying back to work, they are mostly civil servants <...> soon the city will be emptied out” (Lynch, 2023, p. 124). / «Она поворачивается лицом к улице, наблюдая, как мир проходит мимо в странном притворстве, бледные и бесстрастные лица спешат обратно на работу – в основном государственные служащие <...> скоро город опустеет».

С развёртыванием боевых действий, город перестаёт быть узнаваемым, что находит выражение в мотиве двойной экспозиции: “...this street that looks like two places at once as though some filmed transparency of a foreign war has been placed upon an image of the city, the summered colours fused with the ashen hues of destruction passing through in a rush” (Lynch, 2023, p. 203). / «...эта улица, которая выглядит как два места одновременно, будто киноплёнка с изображением чужой войны наложена на образ города, летние цвета сливаются с пепельными оттенками разрушения, проносящегося мимо в стремительном потоке».

Введение комендантского часа, деление города на зоны, снайперы на крышах и военные патрули превращают перемещение по городу в опасный квест, мучительный лабиринт, за выход из которого нужно платить ценой своей жизни: “...there comes from the canal a burst of cover fire and at the soldier’s command she runs past the last bus onto the road behind a man in a flapping black raincoat, <...> she runs watching ahead to the junction <...> and then with a clap the man in the black raincoat stumbles and his coat flies outward and he falls down <...>. She must get up and run, the man in the raincoat remains still” (Lynch, 2023, p. 259). / «...со стороны канала раздаётся очередь прикрывающего огня, и по команде солдата она бежит за последний автобус на дорогу, следом за мужчиной в развевающимся чёрном плаще, <...> она бежит, не сводя глаз с перекрёстка, <...> внезапно раздаётся хлопок, мужчина в чёрном плаще спотыкается, плащ взлетает, и мужчина падает <...>. Она должна подняться и бежать – мужчина в плаще неподвижен».

Для Айлиш платой за жизнь в разрушающемся городе становится смерть ее четырнадцатилетнего сына Бейли, который, получив ранение осколком снаряда, попадает в военный госпиталь, где подвергается пыткам и умирает. После этого единственной формой свободы остаётся бегство – к границе, к морю, к неизвестности.

Таким образом, пространство города в романе Линча становится аренной, на которой последовательно уничтожаются все три типа свободы по Паттерсону. Гражданская свобода исчезает, когда граждане перестают влиять на управление и превращаются в объекты приказов. Личная свобода аннулируется тотальным контролем, комендантским часом и снайперами на крышах. Суверенная свобода полностью переходит к государству, которое произвольно решает, кому жить, а кому умереть. С точки зрения неоримской теории Квентина Скиннера, город превращается в пространство тотальной подвластности (*obnoxius*): даже те, кто формально не арестован, уже несвободны, поскольку их жизнь и смерть зависят от ничем не ограниченной воли государства. Единственный способ выжить – бегство, но и оно, как покажет следующий локус, лишь меняет форму несвободы.

Граница становится последним локусом романа, где художественный концепт FREEDOM / СВОБОДА обретает свою предельно редуцированную форму: свобода как возможность физического пересечения линии, отделяющей жизнь от смерти.

Айлиш пересекает границу оглушенная горем, практически утратив связь с реальностью: “...looking outside without seeing, closing her eyes she travels to a darkness as though moving through water with her heart in pain” (Lynch, 2023, p. 274). / «...смотрит наружу, ничего не видя, закрывает глаза и движется в темноте, словно плывёт сквозь воду с болью в сердце»; “Eilish feels nothing but a deadness inside her” (Lynch, 2023, p. 275). / «Айлиш не чувствует ничего, кроме мертвенной пустоты внутри»; “...the heart has grown too sick for thinking, the heart now in a cage” (Lynch, 2023, p. 276). / «...сердце стало слишком больным, чтобы думать, сердце теперь в клетке». Ей хочется раствориться в темноте и уйти в смерть вслед за Бейли и единственной причиной, которая заставляет двигаться вперед, становится спасение детей, Молли и Бена, как мотив отказа от смерти и выбора жизни-как-страдание ради детей: “...to be without pain would be to enter fully into darkness <...> but she will not go out to the darkness because she must remain and there is only this for her now, to be a vessel in which to carry the children away from the darkness and there will be no peace and there will be no escape from pain” (Lynch, 2023, p. 280). / «...быть без боли значило бы полностью погрузиться в темноту <...> но она не уйдёт во тьму, потому что должна остаться, и теперь для неё есть только это – быть лодкой, чтобы унести детей прочь от тьмы, и не будет ни покоя, ни избавления от боли».

Мотив произвола власти и зависимости от чужой воли в пространстве границы звучит с новой силой. Это зона вне закона, где выход оплачивается унижением и отказом от собственного достоинства: “...each time there is a different price, an exit tax <...> a contribution to the cause you are leaving behind (Lynch, 2023, p. 284). / «...каждый раз цена разная, налог на выезд <...> взнос в дело, которое ты оставляешь позади»; “She watches the man remain on his knees as the militant steps away, sees him carry his humiliation <...> something in his eyes is destroyed” (Lynch, 2023, p. 285). / «Она смотрит, как мужчина остаётся на коленях, когда боевик отходит, видит его унижение <...> что-то в его глазах разрушено».

В пространстве границы идея свободного гражданина окончательно уничтожается: люди утрачивают идентичность, превращаясь в массу, в товар, за который контрабандисты получают плату: “...the going rate changes each time, they look at your clothes and come up with the price” (Lynch, 2023, p. 287). / «...расценки меняются каждый раз, они смотрят на твою одежду и назначают цену»; “She is no longer a person but a thing, this is what she thinks, a thing climbing into the truck with a child in her arms” (Lynch, 2023, p. 296). / «Она больше не человек, а вещь, вот о чём она думает, вещь, забирающаяся в грузовик с ребёнком на руках». С точки зрения неоримской традиции, именно этот переход от статуса «гражданин» к статусу «вещь» и есть суть утраты свободы, когда человек перестаёт быть субъектом прав и становится объектом произвольного обращения.

На последних страницах романа мотив заточения проявляется буквально, когда люди оказываются запертыми в крошечной комнате, как скот: "...a bare industrial room, the smell of damp and squalor" (Lynch, 2023, p. 296). / «...голое промышленное помещение, запах сырости и запустения»; "Twenty-three people in the room and by evening there are forty-seven" (Lynch, 2023, p. 298). / «В комнате двадцать три человека, а к вечеру их становится сорок семь».

Парадоксально, но именно в этом лагере беженцев роман достигает своей философской кульминации, которую Линч формулирует в монологе Моны, второстепенного персонажа. Мона, потерявшая в этой войне мужа и брата, пересматривает само понятие свободы: "I used to believe in free will <...> but now I don't see how free will is possible when you are caught up within such a monstrosity" (Lynch, 2023, p. 302). / «Раньше я верила в свободу воли <...> но теперь я не понимаю, как свобода воли возможна, когда ты имеешь дело с таким чудовищным злом». Мотив крушения веры в свободу воли обусловлен невозможностью повлиять на ход событий, которые развиваются, подчиняясь собственной инерции. В условиях тотального кризиса свобода воли исчезает, но у людей остается право на веру в лучшую жизнь: "...we're the lucky ones seeking a better life, there is only looking forward now <...> perhaps there is little freedom to be found in that thought because at least you can make the future your own in your thoughts" (Lynch, 2023, p. 303). / «...мы счастливики, мы ищем лучшую жизнь, теперь остаётся только смотреть вперёд <...> возможно, в этой мысли мало свободы, но по крайней мере ты можешь сделать будущее своим в своих мыслях».

Монолог Моны – единственный в романе момент эксплицитной рефлексии о свободе воли – предлагает предельно редуцированную форму свободы, а именно, свободу как внутреннюю позицию, как способность мечтать о будущем, что, с точки зрения Скиннера, свободой не является, ибо свобода – это не только внутреннее чувство, но и объективный статус, который отменяется зависимостью от произвольной воли другого.

Финальный философский тезис романа сформулирован самой героиней: "...the end of the world is always a local event, it comes to your country and visits your town and knocks on the door of your house" (Lynch, 2023, p. 304). / «...гибель мира всегда локальна, она приходит в твою страну, приходит в твой город и стучится в дверь твоего дома». Эта идея – что катастрофа всегда переживается конкретным человеком в конкретном месте – подводит итог пространственной динамике романа: от разорённого дома через враждебный город к границе, за которой – неизвестность.

Таким образом, анализ пространственных мотивов подтверждает, что деформация художественного концепта FREEDOM / СВОБОДА в романе подчиняется логике расширения границ несвободы: от утраты свободы как объективного статуса к способности мечтать о будущем, где главный выбор героев – жизнь любой ценой.

Заключение

В соответствии с поставленными задачами, на основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы. Антропологическая типология О. Паттерсона, рассматривающая свободу как триединство личной, суверенной и гражданской составляющих, позволяет зафиксировать, какие именно аспекты свободы последовательно уничтожаются в дистопическом мире романа: личная и гражданская свобода аннулируются тотальным контролем, а суверенная переходит к государству. Неоримская теория К. Скиннера, представляющая свободу как статус, исключающий зависимость от произвольной воли другого, даёт ключ к пониманию того, что утрата свободы наступает уже при попадании в состояние «подвластности без физического насилия» (2006, с. 47), которое составляет суть дистопического ужаса и одновременно является наиболее точной художественной иллюстрацией неоримской теории.

Проведенный анализ пространственных мотивов, объективирующих концепт, показал, что мотивное поле организовано вокруг трёх ключевых локусов – ДОМА, ГОРОДА и ГРАНИЦЫ. Каждый локус аккумулирует определённый комплекс мотивов (проникновения, десакрализации, потерянности, двойной экспозиции, лабиринта, произвольной власти, десубъективации, заточения), которые последовательно деформируют представление о свободе в романе. Динамика художественного концепта FREEDOM / СВОБОДА прослеживается как движение от внешне благополучного, но уже «заражённого» тревогой дома через враждебный, лабиринтообразный город к пространству границы, где свобода редуцируется до простой возможности физического пересечения линии, отделяющей жизнь от смерти.

Ключевой вывод исследования состоит в том, что роман "Prophet Song" предлагает не просто художественную фиксацию утраты свободы, но её теоретически релевантную реконструкцию. Линч последовательно разворачивает сценарий, при котором либеральные гарантии свободы (слова, передвижения, собраний) аннулируются не отменой законов, а установлением режима произвольной власти. «Остаточный смысл» свободы как способности мечтать о будущем, который предлагает Линч в финале, с точки зрения неоримской теории, это не возвращение свободы как статуса, а лишь её симулякр – форма выживания, при которой внутренняя позиция не защищает от произвольного вмешательства извне.

Перспективы дальнейшего исследования связаны, во-первых, с анализом темпоральных мотивов в романе (ожидание, потерянности во времени, застывшее время), которые были вынесены за рамки данной работы, но являются важным измерением художественного концепта FREEDOM / СВОБОДА. Во-вторых, представляется продуктивным проследить эволюцию антиутопического дискурса, показав, как роман Пола Линча вступает в диалог с классическим каноном (например, с романом Евгения Замятина «Мы»), а также провести сопоставительный анализ романа Линча с другими современными антиутопиями (например, с романом Лейфа Энгра (Leif Enger) "I Cheerfully Refuse" (2024)).

Материалы исследования | Research materials

1. Lynch P. Prophet Song. L.: Oneworld Publications, 2023.
2. Paul Lynch interview: 'Prophet Song' is an attempt at radical empathy. 2023. August 21. <https://thebooker-prizes.com/the-booker-library/features/paul-lynch-interview-prophet-song>

Источники | References

1. Беспалова О. Е. Концептосфера поэзии Н. С. Гумилева в ее лексическом представлении: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2002.
2. Васильева Т. И. Литературоведческий подход к изучению художественного концепта // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7-1 (18).
3. Веселовский А. Н. Поэтика сюжетов // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Художественная литература, 1940.
4. Волкова В. Б. Концептосфера современной военной прозы: дисс. ... д. филол. н. Екатеринбург, 2014.
5. Гаспаров Б. М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Даугава. 1988. № 10-12; 1989. № 1.
6. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы: очерки русской литературы XX века. М.: Наука, 1994.
7. Зусман В. Г. Диалог и концепт в литературе: литература и музыка. Н. Новгород: Деком, 2001.
8. Зусман В. Г. Концепт в системе гуманитарного знания: понятие и концепт // Вопросы литературы. 2003. № 2.
9. Костина-Кассанелли О. С. Концепт и мотив: междисциплинарная соотнесенность понятий // Вісник Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. Сер.: Філологія. 2013. № 1048. Вип. 67.
10. Миллер Л. В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. № 4.
11. Скиннер К. Свобода до либерализма / пер. с англ. А. В. Магуна; науч. ред. О. В. Хархордин. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2006.
12. Тарасова И. А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте. М.: Флинта, 2012.
13. Patterson O. Freedom: in 2 vols. N. Y.: Basic Books, 1991. Vol. 1. Freedom in the Making of Western Culture.

Информация об авторах | Author information**Яркова Анна Константиновна¹**¹ Институт кино и телевидения (ГИТР), г. Москва**Anna Konstantinovna Yarkova¹**¹ Institute of Cinema and Television (GITR), Moscow¹ ayarkova@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 31.05.2026; опубликовано online (published online): 02.07.2026.

Ключевые слова (keywords): художественный концепт FREEDOM / СВОБОДА; пространственные мотивы; локус дома; локус города; локус границы; artistic concept of FREEDOM; spatial motifs; locus of the house; locus of the city; locus of the border.